

Между Псковом, Витебском и Нейгаузенем: забытая война на Ливонском пограничье в середине XIV века

Часть 1

Мартынюк А.В.

Белорусский государственный университет, Минск

Изучение русско-немецко-литовских взаимоотношений в Балтийском регионе в период Средневековья имеет давнюю историографическую традицию. Подходы исследователей этой проблематики эволюционировали от концепции «Drang nach Osten» до современных подходов, делающих акцент на ситуации культурного контакта. Однако до сих пор остаются неизученными многие конкретные сюжеты политической истории данного региона.

Цель работы — проследить ход военного конфликта на ливонском пограничье в 1340-е годы.

Материал и методы. *Статья написана на основе привлечения широкого круга источников, среди которых псковские и новгородские летописи, немецкие орденовые хроники, актовые документы, памятники средневековой рыцарской поэзии. Основное внимание уделяется военным аспектам русско-немецко-литовских взаимоотношений и анализу многообразия военных форм конфликта, которые не могут быть сведены к какому-либо одному параметру.*

Результаты и их обсуждение. *9 сентября 1341 г. в результате пограничного инцидента было убито пять псковских послов, что привело к войне между Псковом и Ливонией. Дальнейшие события привели к эскалации конфликта, в который оказались втянуты Витебское княжество в частности и Великое княжество Литовское в целом, Новгородская республика, Тевтонский орден, Шведское королевство и другие государства Балтийского региона. Военные действия продолжались до конца 1340-х годов, они получили большой резонанс в Европе и отразились даже в памятниках рыцарской поэзии, созданных в Австрии.*

Заключение. *В результате проведенного анализа удалось реконструировать эскалацию конфликта от пограничного инцидента до большой войны, охватившей весь Балтийский регион. Кроме того, на данном конкретном примере была предложена систематизация разных типов военных конфликтов в период Средневековья.*

Ключевые слова: *Псковская республика, Витебское княжество, Ливонский орден, крестовые походы, рыцарская поэзия.*

(Ученые записки. — 2016. — Том 21. — С. 30–36)

Between Pskov, Vitebsk and Neuhausen: the Forgotten War in the Lithuanian Borderlands in the Middle of the 14th Century

Martyniuk A.V.

Belarusian State University, Minsk

Research techniques of the Russian-German-Lithuanian relations in the Baltic region during the Middle Ages have a long-standing tradition in historiography. Methods of interpretation of the problem evolved from the «Drang nach Osten» — concept to the modern approaches, which put the cultural contacts into the primary focus of a study. However, many specific episodes of the political history of the region remain unexplored.

This study is aiming to analyse one of the episodes of Russian-German-Lithuanian relations, in particular the military conflict at the Livonian borders in the 1340s.

Material and methods. *The study is based on a broad range of sources, including chronicles of Pskov and Novgorod, chronicles of the Teutonic Order, diplomatic sources, monuments of medieval chivalrous poetry. This article focuses on the military aspects of the Russian-German-Lithuanian relations and the analysis of the diversity of the military forms of this conflict. Therefore, the latter can hardly be narrowed to any single distinctive feature.*

Findings and their discussion. *September 9, 1341 five ambassadors from Pskov were killed in a border incident. The consequences of the incident resulted in a war between Pskov and Livonia. Subsequent events led to the escalation of the conflict. Principality of Vitebsk and the Grand Duchy of Lithuania as a whole, the Novgorod Republic, the Teutonic Order, the Swedish Kingdom and other countries of the Baltic region were dragged into this conflict. Military actions continued until the late 1340s and having acquired a great response in Europe were reflected in Austrian monuments of chivalrous poetry.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: a.martyniuk@mail.ru — А.В. Мартынюк

Conclusion. *Through the analysis the escalation of the conflict from the border incidents to a major war that has engulfed the whole Baltic Region has been reconstructed. In addition, the systematic approach to the different types of military conflicts in the Middle Ages was proposed in a particular example.*

Key words: *Pskov Republic, Principality of Vitebsk, the Livonian Order, the Crusades, chivalrous poetry.*

(Scientific notes. — 2016. — Vol. 21. — P. 30–36)

Изучение русско-немецко-литовских взаимоотношений в Балтийском регионе в период Средневековья имеет давнюю историографическую традицию. Историки, обращавшиеся к данной проблематике в XIX–XX вв., склонны были мыслить «большими общностями» — Русь, Ливония, Литва, германский и славянский мир и т.д. Как правило, взаимодействие этих общностей в период Средневековья описывалось в категориях конфликта, что наиболее ярко проявилось в известной концепции «Drang nach Osten». Во второй половине XX века наметилась, а на переломе XX и XXI веков возобладали другая парадигма, согласно которой эти отношения рассматриваются не как конфликт, а как культурный контакт. На наш взгляд, оба подхода несут на себе отпечаток идеологических предпочтений своего времени и не отражают в полной мере сложной специфики межгосударственных взаимоотношений в период Средневековья. В наибольшей степени это относится к последней парадигме: в конце концов, в качестве «культурного контакта» может быть рассмотрено все что угодно, вплоть до уничтожения одной культурой другой. В рамках данной статьи основное внимание уделяется военным аспектам русско-немецко-литовских взаимоотношений, при этом мы стараемся показать сложность и многообразие военных форм конфликта, которые не могут быть сведены к какому-либо одному параметру.

Цель статьи — проследить ход военного конфликта на ливонском пограничье в 1340-е годы. Для того чтобы сделать столкновение интересов наглядным, военно-политическая ситуация представлена в виде треугольника с тремя вершинами: «русской» — Псков, «литовской» — Витебск, «немецкой» — Нейгаузен. Если первые две вершины этого треугольника (Псковская республика и Витебск, где княжил князь Ольгерд, представитель литовской династии Гедиминовичей) не вызывают вопросов, то третья требует некоторого пояснения. Ливония не представляла единого политического образования, о чем будет сказано ниже. Поэтому в качестве третьей вершины треугольника и третьей стороны конфликта нами выбран замок Нейгаузен на ливонско-псковском рубеже. Хотя он не был самым крупным ливонским замком в регионе, но оказался тесным образом связан

с событиями рассматриваемой нами пограничной войны. Более того, его постройка в 1342 г. стала одним из катализаторов этого военного конфликта. Интересно отметить, что замок оставил след в русской культуре, дав название исторической повести А.А. Бестужева-Марлинского «Замок Нейгаузен» (1824 г.).

Материалы и методы. Основой для изучения событий «забытой войны» являются русские летописи — псковские и новгородские. В рамках данной статьи мы опираемся на старшую Псковскую 1-ю летопись [1], сведения 2-й и 3-й летописей привлекаются в тех случаях, когда они содержат дополнительную информацию [2]. Материалы псковских летописей дополняются Новгородской первой летописью младшего извода [3]. Немецкий взгляд на события дают орденские хроники (Германа Вартбергского и Виганда Марбургского, опубликованы в «Scriptores rerum Prussicarum» [4]) и ливонские актовые документы, собранные в издании «Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch» [5]. Чрезвычайно интересные свидетельства сохранились в произведениях рыцарской поэзии, которые до сих пор в недостаточной степени привлекались исследователями. Речь идет о произведениях поэта и герольда Петера Зухенвирта, который в своих похвальных песнях австрийским рыцарям упоминает об их походах на земли Литвы и Руси [6]. Используются общенаучные и специально-исторические методы.

Результаты и их обсуждение. Накануне конфликта. Первая треть XIV века была временем, когда контуры Восточной Европы начали более отчетливо проступать после «темного века» восточноевропейского Средневековья. На этот период приходится становление Великого княжества Литовского и начало его активной экспансии на восточнославянские земли. К сожалению, обстоятельства вхождения русских княжеств в состав ВКЛ практически не освещены в источниках. Это в полной мере относится и к долгому (около 1320–1345 гг.) княжению в Витебске Ольгерда, сына великого князя Гедимина. Недавнее исследование В.А. Воронина показало, как на самом деле скудны и случайны наши сведения о правлении Ольгерда в Витебске и насколько сильно они основаны на поздней, не всегда достоверной, традиции [7]. Тем не менее можно говорить о том, что Ольгерд деятельно

укреплял княжество (при нем Витебск получил каменный замок: «*Видбеск, 3 стены камены*», по выражению «Списка русских городов ближних и дальних») и пытался распространить свое влияние на соседние русские земли – Смоленск, Можайск, Ржеву, позднее – на Псков и Новгород. Свидетельством наличия у витебского князя политических интересов в Балтийском регионе является торговый договор, заключенный 1 ноября 1338 г. между Ливонским орденом и городом Рига с одной стороны и великим князем литовским Гедимином и «королями Полоцка и Витебска» (Наримонт и Ольгерд соответственно) – с другой.

XIV век был в истории Балтийского региона великой эпохой рейзов (нем. *reysa*: поход, бой, битва) – крестовых походов европейской знати на литовских язычников и русских «схизматиков». В изучении данной проблематики классическими являются работы немецкого исследователя В. Паравичини, показавшего значение этих походов в рыцарской культуре Средневековья [8–9]. В основном поток «гостей» направлялся в Пруссию, где поддерживал постоянное военное давление Тевтонского ордена на Великое княжество Литовское. Однако это крестоносное движение затрагивало и Ливонию. В отличие от Пруссии, где сложилось орденское государство, Ливония никогда не являлась единым политическим организмом. «Земля Девы Марии» (средневековое название Ливонии) представляла собой сложную политическую систему, ключевыми элементами которой были Ливонский орден (а точнее – ливонское отделение Тевтонского ордена), четыре епископства (Рижское, Дерптское, Курляндское и Эзель-Викское) и крупные города, игравшие самостоятельную политическую роль, – Рига, Ревель, Дерпт. Особняком стояла северная Эстония, находившаяся под властью Датского королевства. Около 1330 г. многолетняя борьба Ливонского ордена с Ригой и рижским архиепископом завершилась победой Ордена. Это создало условия для более активной военной политики Ливонского ордена как в направлении Литвы, так и в отношении Новгорода и Пскова. Таким образом, и боярские республики после периода относительно мирного существования в первой трети XIV века все чаще оказывались втянутыми в конфронтации как с Литвой, так и с Ливонией.

Инцидент на Опочне и начало войны.

9 сентября 1341 г. «в Лотыголе, на селе на Опочьне» немцы убили пять псковских послов – Михаила Любиновича и «дружиину его» [1, с. 18; 2, с. 24]. Убийство вызвало большой

резонанс и было отмечено по всех псковских летописях, более поздняя Псковская 3-я летопись даже дает поименный список погибших: «*оубиша ... Михаля Либиновича, Евана Михалковича и Смена Леонтьевича, Власиа Колотиловича, Анфилаа Полоуторановича на миру*» [2, с. 92].

Немецкая версия событий дошла до нас в изложении Германа Вартбергского. Псковские послы вели переговоры с Вольдемаром фон Врангелем, представителем рижского архиепископа, и братом Генрихом фон Плескау, представителем Ордена. Ночью некоторые русские проникли на постоянные дворы немцев, ели и пили там, учинили беспорядок, а затем в пьяном виде начали ругать немцев, что привело к столкновению, в котором несколько русских было убито [4, S. 68–69]. Эта версия не очень лестна для псковской стороны. Однако вне зависимости от того, насколько мы готовы доверять немецкому хронисту, нет оснований сомневаться, что причины убийства послов не были обусловлены высокой политикой и лежали в плоскости случайного бытового конфликта.

Тем не менее убийство послов «на миру» давало законный повод для начала военных действий, и реакция псковичей была быстрой и жесткой. 21 декабря они вторглись вместе со своим служилым князем Александром Всеволодовичем в Ливонию и разорили приграничные немецкие села [1, с. 18; см. также: 2, с. 93]. По сообщению Германа Вартбергского, нападению подверглись земли дерптского епископа, на помощь которому пришел Орден [4, S. 69]. Псковская 3-я летопись не ограничивается упоминанием этого большого похода, а дает более подробную картину военных предприятий псковичей на протяжении всего следующего 1342 г. [2, с. 93–95]:

март: нападение за реку Нарову «в мале друожине» и захват посада Ругодива (Нарвы);

начало мая: поход на ладьях с посадником Ильей «в рекоу во Омовжю, и повоеваше села немецкаа по обе стороны Омовже»;

июнь: поход охочих мужей с Филиппом Ледовичем и Олферием Селковичем на «Лотыгороу» (Латгалию), закончившийся встречным боем псковского отряда (60 человек) с немецким (200 человек), первоначальная неудача псковичей и гибель Олферия обернулись победой, когда подоспели «островичи» (жители г. Острова) с Василием Онисимовичем;

«то же месяца»: поход «пешици молодые люди» (50 человек) с Карпом Даниловичем за Нарову, столкновение и победа над немецким отрядом;

зимой того же года: поход с Володшей Строиловичем «*сель немецких воевати, зиме, по озеру, по леду*» и победа над немецким отрядом, пытавшимся напасть на псковское село Ремда.

Эти сообщения Псковской 3-й летописи интересны тем, что показывают «механизм малой войны», который теряется при взгляде на события «с высоты птичьего полета», когда оказываются видны лишь самые крупные военные предприятия, организованные на государственном уровне. Очевидно, что не все подобные набеги «ватажек» охочих людей были официальными предприятиями Псковской республики. Во многих случаях это была частная инициатива в рамках общей войны с немцами, типологически близкая походам новгородских ушкуйников того же времени. Упоминания о встречных столкновениях с небольшими немецкими отрядами показывают, что примерно так же выглядела ситуация и с ливонской стороны. Конфликт приобретал, таким образом, самостоятельную динамику, которая не в полной мере контролировалась с «верхних этажей» государственной власти.

Уже зимой 1341/42 гг., вскоре после первого похода на немцев, в Пскове начались какие-то внутренние конфликты, по всей видимости, связанные с обострением псковско-ливонских отношений. Служилый князь Александр Всеволодович «*разгневался на псковичь*» и покинул город: по сообщениям псковских летописей — по своей инициативе, по сообщению новгородской — псковичи «*выпрывадили*» князя [3, с. 354]. Псковичи оказались в непрестом положении: без князя и в состоянии войны со всеми своими немецкими соседями — Ливонским орденом, Дерптским епископством и Датской Эстонией (к ней относился город Ругодив/Нарва). Не ясно, планировали ли руководители Псковской республики такое большое «*разратие с Немцы*» или же оно стало результатом спонтанного выброса конфликтного потенциала, нашедшего свой выход в желании пограбить ближайшие владения соседа. Описанные выше походы «ватажек» охочих людей скорее заставляют склониться ко второму варианту. Применяя современную терминологию, можно говорить об эскалации конфликта и потере управляемости над ним.

Ответная реакция немцев не заставила себя ждать. Весной 1342 г. немцы поставили в непосредственной близости от границы с псковскими владениями («*contra scismaticos*») два каменных замка — Нейгаузен (*Neuhausen*, известен так же, как *Frawenborch*, в русских источниках — *Новый городок*, со-

временный поселок Вастселийна в Эстонии) на землях Дерптского епископства и замок Мариенбург (*Marieborch*, современный город Алуксне в Латвии) на землях Ливонского ордена [4, S. 70]. Это была скоординированная акция Дерптского епископства и Ордена, на что указывает не только одновременность сооружения замков, но и их общее посвящение Деве Марии. Появление двух каменных замков в непосредственной близости от границы и главного псковского форпоста — Изборска — не могло не обеспокоить псковичей. Как показали дальнейшие события, построенные замки, особенно Нейгаузен, стали удобной базой для нападений на псковские земли. Все это было в полной мере понятно уже весной 1342 г., в связи с чем в Пскове приняли решение любой ценой уничтожить новые немецкие опорные пункты. Для этого Пскову понадобились союзники.

Новгородские и псковские летописи излагают разные версии дальнейших событий. Согласно новгородской летописи, прибывшее в Новгород псковское посольство сообщило о подготовке немцев к нападению на Псков и просило о помощи. Однако, когда новгородцы выступили в поход, к ним прибыли новые псковские послы, которые сообщили, что войны у них с немцами нет, а немцы «*ставят город на рубежи на своей земли*». Послушав «*молбы*» псковских послов, новгородское войско повернуло обратно. После этого «*предашася плесковици Литве, отвергъшеся Новаграда и великага князя*». Таким образом, новгородский летописец констатировал разрыв союзнических отношений между Новгородом и Псковом и выход Пскова из политической системы Великого княжества Владимирского, правитель которого традиционно осуществлял верховный сюзеренитет над Новгородом и Псковом. С точки зрения Новгорода это был чрезвычайно резкий и немотивированный поворот внешней политики Псковской республики [3, с. 354].

Псковский летописец излагает последовательность событий иначе. После того как случилось «*разратие с Немцы*», служилый князь Александр Всеволодович поссорился с псковичами и поехал прочь из города. Вскоре псковичи отправили послов в Новгород, прося «*наместника и помощь*», но не получили ни того, ни другого. В это время пришли немцы и поставили Новый городок (Нейгаузен) «*на Псковъскои земле*». Не имея другого выбора, псковичи отправили посольство к Ольгерду с жалобой на новгородцев и просьбой о помощи [1, с. 18].

Обе версии тенденциозны и немного «спрямляют историю». Очевидно, что по-

сольств из Пскова в Новгород было, по крайней мере, три: одно в самом начале конфликта с немцами, другое весной 1342 г., когда немцы начали строить Нейгаузен, третье в тот момент, когда новгородское войско выступило (или готовилось выступить) в поход. И новгородский, и псковский летописцы акцентируют внимание на том посольстве, которое им было выгоднее: псковский — на первом, когда Новгород оказался не готов сразу поддержать «младшего брата», новгородский — на втором и третьем, когда Псков сначала запросил, а потом отклонил новгородскую помощь. Указание псковского летописца на то, что немцы поставили Нейгаузен на Псковской земле, не соответствовало действительности, но показывало нежелание псковичей мириться с существованием этого замка. Его разрушение и было главной целью Пскова. По-видимому, весной 1342 г. псковичи отправили одновременно два посольства — в Новгород и к князю Ольгерду в Витебск, и когда получили весть о согласии Ольгерда — выбрали литовскую ориентацию. Псковичи рассчитывали, что военная помощь со стороны могущественного князя будет более действенной, чем помощь новгородцев, известных своей нерешительностью в военных конфликтах, напрямую не затрагивающих их интересы.

Первый бой под Изборском. Первоначально казалось, что ставка была сделана верно: 20 июля 1342 г. Ольгерд вместе со своим братом Кейстутом и с войском «*мужии своих Литовъковъ и мужии видьблянъ*» прибыл в Псков. Однако двигаться в поход на немцев Ольгерд не спешил. На разведку к ливонской границе, к Нейгаузену, он отправил лишь своего «*воеводу*», князя Юрия Витовтовича, с отрядом псковских и изборских охочих людей. Именование Юрия князем и его литовское отчество позволяют сделать вывод, что он принадлежал к роду Гедиминовичей, вероятнее всего, он был племянником Ольгерда и Кейстута. 2 августа отряд Юрия неожиданно столкнулся с немецким войском, направлявшимся к Изборску. В завязавшемся сражении отряд Юрия был разбит, сам он «*в мале дружине*» бежал в Изборск. На следующий день немцы подступили к Изборску. Положение защитников быстро стало критическим, т.к. город не был готов к осаде и в нем ощущался недостаток питьевой воды. В этот момент к Изборску подошли с войском Ольгерд и Кейстут. Однако, захватив языка и узнав от него «*силу велику немецкия рати*», Ольгерд и Кейстут со своими литовскими и витебскими полками отступили к Пскову. За ними были вынуждены последовать и псковичи, надо ду-

мать, крайне недовольные такой осторожностью приглашенного ими князя. В одной из стычек погиб князь Любко, еще один родственник Ольгерда и Кейстута. Из осажденного Изборска слали просьбы о помощи, однако литовские князья и их дружина отказались выступить на помощь городу, о чем с негодованием написал псковский летописец. К счастью, немцы не знали об отсутствии воды в городе и через десять дней сняли осаду и отступили от Изборска, чем закончилась военная часть кампании [1, с. 18–19; см. также: 3, с. 354–355].

Политическая часть кампании получила продолжение в Пскове. Жители города настоятельно желали крестить Ольгерда и посадить его у себя в качестве служилого князя. Ольгерд отверг оба этих предложения. По мнению В.А. Воронина, крещение снижало шансы Ольгерда на престол Великого княжества Литовского [7, с. 13], очевидно, что и положение владетельного князя в Витебске представлялось ему более перспективным, чем роль служилого князя в Пскове. В результате переговоров был найден компромисс: в Пскове был крещен и посажен на княжеский стол Андрей, сын Ольгерда. Такое решение не сильно удовлетворяло псковичей: летописец сопроводил рассказ об отъезде Ольгерда и Кейстута ремаркой, что они «*помощи никою же оучинивше*», а псковичам остается уповать лишь на Бога и своих небесных заступников. В довершение всех бед на Псков и Изборск обрушилось моровое поветрие [1, с. 19].

Так закончился первый раунд военного конфликта, вызванного убийством псковских послов. Для Пскова он был скорее неудачным: псковичи потерпели несколько чувствительных поражений, не смогли воспрепятствовать строительству немецких крепостей у своих границ, испортили отношения с Новгородом, потеряли своего служилого князя Александра Всеволодовича и не получили равноценную ему замену в виде кого-то из литовских князей. Фактически они перешли «*под руку*» Ольгерда, не получив взамен желаемой военной помощи или иных ясных выгод для своей республики. Такое соглашение не могло быть прочным. Судя по тому, что при рассказе о походе псковского войска в Эстонию в 1343 г. упоминаются псковский князь Иван и изборский князь Остафий (Евстафий) [1, с. 20], Андрей недолго сидел на псковском столе и был вынужден покинуть его и отправиться к своему отцу. Тем не менее ситуация была в целом благоприятна для Ольгерда, т.к. «*разрание*» Пскова с немцами и конфликт с Новгородом объективно повышали влияние витебского князя в Псковской республике. Немцы, убийством послов спрово-

цировавшие (скорее невольно, чем сознательно) начало военных действий, строительством крепостей на границе с Псковом подчеркнуто продемонстрировали свою готовность к дальнейшей эскалации конфликта. По сообщению Виганда Марбургского, весной 1343 г. магистр Ливонского ордена осаждал Изборск. Впрочем, точная датировка этого сообщения не совсем ясна: хронист эксплицитно говорит, что магистр находился под Изборском в момент начала восстания эстов (апрель 1343 г., см. ниже), но при этом называет как ориентир «день св. Лаврентия» (10 августа) [4, S. 502]. Вероятно, Виганд совместил в одном рассказе несколько разных событий, в частности перенес сюда и рассказ о боях под Изборском в августе 1342 г.

Восстание Юрьевой ночи. Положение резко изменилось 23 апреля 1343 г., когда началось восстание эстов, вошедшее в историю как «восстание Юрьевой ночи». Восстание быстро охватило всю Датскую Эстонию, по сообщению немецких и русских источников, оно сопровождалось безжалостным истреблением немцев [14, S. 70–71, 501–502; см. также: 3, с. 357]. В мае восставшие осадили Ревель, в котором укрылись датчане и немцы со всей Эстонии, и установили контакт со шведским фогтом Выборга, пытаясь использовать давнее шведско-датское соперничество. Однако это был пик успехов восстания, оказавшихся непродолжительными. Знать и духовенство Эстонии призвали на помощь Ливонский орден, войска которого разгромили основные силы эстов под Ревелем и перешли к массовому террору против восставших, опустошая целые области.

Псковичи не могли не воспользоваться столь удачным стечением обстоятельств и с удовольствием «погрузили персты в кровоточащие раны» Ливонии. 26 мая 1343 г. значительное псковское войско (подняли «*всю свою область*», по словам псковских летописцев; новгородская летопись говорит о 5000 мужах) под предводительством псковского князя Ивана и изборского князя Остафия вторглось на территорию Ливонии и в течение пяти дней опустошало окрестности Медвежьей Головы (Оденпе): «*не слазя с конь, где то не бывали ни отцы ни деди*». На обратном пути, недалеко от Нейгаузена, псковичи были настигнуты ливонцами, которые навязали русским сражение. В сражении, состоявшемся 1 июня 1343 г. (летопись называет дату 1 июля, однако это явная ошибка летописца), псковичи разгромили немцев, в бою погиб и представитель знатного ливонского рода Иоганн фон Левенвольде, что было специально отмечено и в русских лето-

писях, в которых он был назван как «князь». Значительными были потери и псковской стороны. Смятение в Пскове вызвало и то обстоятельство, что в начале боя некоторые воины бежали с поля боя, и некий «поп Руда» принес в город весть, что «*псковичь и изборянь побили Немцы*». Благополучное возвращение войска вызвало в городе радость и веселие [1, с. 20, 11–12 (страницы Псковской 1-й летописи в этом месте перепутаны); см. также: 3, с. 356–357].

Нет сомнения, что вторжение псковского войска в самый разгар восстания эстов было воспринято ливонцами крайне болезненно. Малая пограничная война между соседями была делом обычным, большая война — привычным и неизбежным злом. Однако вмешательство Пскова в дела Ливонии произошло в момент экзистенциальной борьбы между немцами и эстами, характеризовавшейся крайним ожесточением сторон. В 1343 г. у Ордена не было возможности оплатить Пскову той же монетой. Несмотря на то, что после разгрома основных сил эстов в мае под Ревелем восстание пошло на убыль, до окончательного замирения было еще далеко. В июле восстание перекинулось на остров Эзель, куда бежали многие эсты с материка [см. сводную запись НПЛ, суммирующую события 1343 и 1344 гг.: 3, с. 357]. Немецкое население острова подверглось истреблению.

По сообщению немецкого хрониста Виганда Марбургского, великий магистр Тевтонского ордена направил в Ливонию 700 лучших конных воинов. Всю осень 1343 г. прусские и ливонские орденские братья подавляли очаги сопротивления эстов, беспощадно уничтожая «*врагов веры*» [4, S. 503–504]. В феврале 1344 г. ливонский магистр со всеми своими силами переправился на остров Эзель. Там ему удалось захватить укрепление восставших эстов и казнить их предводителя — «*короля Вессе*» [4, S. 71–72, 503–504]. Однако для того, чтобы окончательно сломить сопротивление эстов на Эзеле, потребовалась еще одна экспедиция в начале 1345 г. [14, S. 72].

Непосредственным результатом восстания стало усиление влияния Ливонского ордена в северной Эстонии. 29 августа 1346 г. король Вальдемар продал эти владения датской короны Ордену за 19000 серебряных марок [5, S. 407–409]. Реализация сделки (подтверждение со стороны папы римского и императора, передача денег, вывод датских гарнизонов, переприсяга вассалов и подтверждение их прав и т.д.) затянулась надолго и приковала к себе основное внимание ливонских братьев Ордена вплоть до конца 1347 г.

Заключение. События в Прибалтике в начале 1340-х годов вызвали большой резонанс в Европе. Римский папа Климент VI издал несколько булл, призывающих европейских правителей поддержать Тевтонский орден против его врагов. Маркграф Людвиг Бранденбургский потребовал от Ордена, чтобы он объединил силы с польским королем Казимиром против литовцев и русских. Король Вальдемар Датский заключил мир с королем Магнусом Шведским, последний 5 сентября 1343 г. заключил отдельное соглашение с представителями Эстонии, что положило начало втягиванию Магнуса в дела Ливонии [5, S. 365–366]. Таким образом, региональный конфликт, непосредственным истоком которого был бытовой конфликт на ливонской границе, стремительно разрастался в большую войну [10–14].

Литература

1. Псковские летописи / под ред. А.Н. Насонова. – Вып. 1. – М.–Л., 1941.
2. Псковские летописи / под ред. А.Н. Насонова. – Вып. 2. – М., 1955.
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / под ред. и с пред. А.Н. Насонова. – М.–Л., 1950.
4. *Scriptores rerum Prussicarum* / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen und E. Strehlke. – Bd. 2. – Leipzig, 1863.
5. *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten* / Hrsg. von F.G. von Bunge. – Bd. 2: 1301–1367. – Reval, 1855.
6. *Peter Suchenwirt's Werke aus dem vierzehnten Jahrhundert: Ein Beytrag zur Zeit- und Sittengeschichte* / Hrsg. von A. Primisser. – Wien, 1827.
7. Варонін, В.А. Княжанне Альгерда ў Віцебску / В.А. Варонін // *Беларускі гістарычны часопіс*. – 2013. – № 7. – С. 4–14.
8. Paravicini, W. *Die Preussenreisen des europäischen Adels* / W. Paravicini. – Teil 1. – Sigmaringen, 1989.
9. Paravicini, W. *Die Preussenreisen des europäischen Adels* / W. Paravicini. – Teil 2. – Sigmaringen, 1995.
10. Nikžentaitis, A. *Die friedliche Periode in den Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden und dem Grossfürstentum Litauen (1345–1360) und das Problem der Christianisierung Litauens* / A. Nikžentaitis // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – Bd. 41. – Stuttgart, 1993. – S. 1–22.
11. Кузьмин, А.В. Восточная Европа и поражение войск Великого княжества Литовского в битве на р. Страве 2 февраля 1348 г.: военные и внешнеполитические итоги / А.В. Кузьмин // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*. – Вып. 5. – Минск, 2012. – С. 84–115.
12. Мартынюк, А.В. Кто и когда впервые произнес на латыни и по-немецки «Белая Русь»? / А.В. Мартынюк // *Alba Russia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.)*. – М., 2015. – С. 27–38.
13. Мартынюк, А.В. Кто убил Юрия Витовтовича? Опыт историко-криминалистического расследования / А.В. Мартынюк // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* (в печати).
14. Шаскольский, И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке / И.П. Шаскольский. – Л., 1987.

Поступила в редакцию 06.04.2016 г.